
Тень и пыль дракона
Владимир Жданов

Владимир Жданов

Тень и пыль дракона

«Автор»
2025

Жданов В. А.

Тень и пыль дракона / В. А. Жданов — «Автор», 2025

Мир, где магия угасает, а драконы стали мифом. Кай, брат последнего дракона, спасаясь от имперских охотников, находит Последнее Убежище — тайное хранилище памяти ушедшей эпохи. Его хранительница, древняя Элис, вручает ему ключ и последний наказ: пробудить других «забытых» — древних существ, спящих в глубинах земли. Отныне Кай — вестник, чьи шаги отзываются гулом в спящих сердцах мира.

© Жданов В. А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог. 5
Глава 1. Удивительная встреча. 7
Глава 2. Шёпот подземных рек. 11
Глава 3. Песнь подземного моря. 16
Глава 4. Дыхание камня. 22
Глава 5. Эхо подземного грохота. 26
Глава 6. Сердце, спящее в корнях. 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Владимир Жданов
Тень и пыль дракона

Пролог.

На окраине Империи, там, где заканчиваются мостовые и начинается влажное дыхание болот, ещё теплились последние угольки другого мира.

Тишина здесь была особенной – не пустой, а насыщенной. Она висела в воздухе вместе с болотной дымкой, впитывая в себя шелест камыша, крик далёкой птицы и отголоски того, чего уже не было. Для приезжих это было мёртвое, гнилое место. Для своих – последнее прибежище.

А для одной-единственной женщины – домом, долгом и безмолвной клятвой.

Элис чинила ловушку на кабана, когда впервые почувствовала дрожь в земле.

Она замерла, костяная игла застыла в её пальцах. Это был не гром. Не падение дерева. Это был тяжёлый, мерный шаг. Такие шаги не делали люди.

Она медленно подняла голову и посмотрела сквозь завесу мха, свисавшего с крыши её убежища. Дымка, вечная спутница болот Иммервиля, сегодня была гуще обычного. Она скрывала всё дальше тридцати шагов, превращая мир в размытую акварель серых и зелёных тонов.

Но Элис не нужно было видеть. Она помнила. Каждую трещинку на старом тисе у края трясины, каждый изгиб шаткого моста через Чёрную протоку. И сейчас она слышала: тяжёлое, хриплое дыхание, которое не принадлежало ни зверю, ни человеку. Дыхание, прерываемое сдавленным стоном боли.

Отложив иглу, она вышла из хижины. Её движения были плавными, бесшумными, будто она была не отдельным существом, а частью болота – его тенью, его тишиной.

Она шла на звук, не оставляя следов на влажной земле. Дымка обволакивала её, цеплялась за простую одежду из мха и коры. Она свернула к старому тису – своему любимому месту для наблюдения. Отсюда был виден мост.

И она увидела.

Существо было огромным, даже припавшим к земле. Его очертания в тумане казались нагромождением тёмных скал, но Элис узнала форму: длинная шея, мощные лапы, сложенные, словно подкошенные, крылья, волочащиеся по грязи. Дракон. Молодой, судя по размерам. Горный, по излому рогов. И смертельно раненный.

Из его бока, чуть ниже сломанного ребра, торчал обломок. Не стрелы и не копья. Это была зазубренная металлическая штуковина, похожая на гарпун, но намного мерзостнее. По его поверхности пробегали тусклые вспышки рунической энергии – яд, замедляющий заживление и причиняющий невыносимую боль.

Дракон тяжело дышал, его глаза, похожие на расплавленное золото, были затянуты пеленой агонии. Он пытался ползти, увязая лапами в трясине, оставляя за собой борозду, наполненную не кровью, а чем-то похожим на жидкий, дымящийся янтарь.

Сердце Элис, давно забывшее, что значит сжиматься от жалости, дрогнуло. Она видела, как умирают драконы. Видела великих и древних, встречавших смерть с рёвом, сотрясающим небо. Эта тихая, грязная гибель на краю болота была в тысячу раз хуже.

Она сделала шаг вперёд, чтобы… чтобы что? Утешить? Помочь? Она была хранительницей памяти, а не жизни.

И в этот момент дракон поднял голову. Его взгляд, мутный от боли, нашёл её в тумане. В этих глазах не было страха перед ней, маленькой человеческой фигуркой. Было что-то иное. Узнавание? Просьба?

Он слабо хрипнул, и из его пасти вырвалось не пламя, а клубок искр и чёрного дыма. Затем он упёрся лапами в землю, собрал последние силы и рванулся вперёд – не к ней, а мимо, в глубь болота, к завесе из спутанных корней и свисающего мха, за которой, как он мог знать, скрывался вход.

Он знал. Он пришёл сюда. Не случайно. Он искал Убежище.

Элис поняла это в тот же миг. Но было уже поздно. Дракон, сделав последний рывок, рухнул у самого входа, скрытого древними рунами. Его могучее тело вздрогнуло в последней судороге. Золотой свет в глазах померк, сменившись тусклым, потухающим стеклом.

Тишина вернулась, теперь уже навсегда нарушенная грузным присутствием смерти.

Элис медленно подошла. Она опустилась на колени в холодную грязь рядом с огромной головой. Положила ладонь на ещё тёплую чешую у его глаза. Кожа под ней была твёрдой, как камень, и невероятно старой, даже для такого молодого дракона.

«Кто ты?» – прошептала она, но ответа, кроме шелеста камыша на ветру, не было.

Её взгляд упал на рану, на мерзкий имперский гарпун. Охотники. Они уже не довольствовались старыми костями и чешуёй, забытой в горах. Они выходили на живую дичь. И этот… он был не один. Он бежал от кого-то. Искал спасения.

Значит, за ним могли прийти.

Холодная, знакомая тяжесть легла на плечи Элис. Долгие годы её покой, её тихое служение памяти, оставались неприкосновенными. Теперь смерть вползла на её порог. И принесла с собой не просто тело, а проблему. И, возможно, внимание Империи.

Она должна была действовать. Спрятать тело. Скрыть следы. Сохранить то, что от него осталось – последнюю чешую, последнее эхо.

Но прежде она сидела ещё несколько минут, гладя чешую на голове дракона, слушая, как ветер играет в его сломанных рогах, напевая грустную, безымянную песню о другом времени. О времени, когда небо не было пустым.

Это был конец. Конек одной тихой истории, последней песни горного дракона.

Она ещё не знала, что это – самое начало. Начало всего.

Потому что за первым драконом, ищущим спасения, всегда приходит второй. Обычно с погоней на хвосте. И с осколком чуда в окровавленных руках.

А дымка над болотами Иммервиля всё не рассеивалась.

Глава 1. Удивительная встреча.

Дымка над болотами Иммервиля никогда не рассеивалась. Она скрывала не только гниющие корни и бледные огоньки болотных духов, но и вход в Последнее Убежище. Его хранительницей была Элис, женщина с глазами цвета вороненой стали и памятью длиннее, чем жизнь тысячелетнего дуба. Она помнила времена, когда драконы писали законы мироздания когтями в скалах, а магия текла по жилам земли, как кровь. Теперь же магия угасала, вытесняемая холодной, бездушной логикой людей, возводивших свои дымящие города на опушках забытых лесов. А драконы… драконы стали мифом. Почти.

В тот день дымка принесла нечто новое – запах крови, железа и страха. И погоню. Элис, не шелохнувшись, наблюдала из тени старого тиса, как через хлипкий мост понесся юноша в разодранном плаще. За ним, звеня амуницией, мчались двое в плащах с вышитой на спине пылающей десницей – охотники за артефактами Империи. Юноша споткнулся о корень, упал на колени прямо перед скрытым рунами входом в Убежище. Охотники настигли его. Отдай чешую, выродок, – прошипел старший, занося меч с тускло горящей руной. Император заплатит за неё чистым золотом. Твоя тварь уже не защитит тебя. Элис вздохнула. Так тихо, что это был скорее шелест ветра. Но его услышали. Все трое. Охотники резко обернулись, зажав оружие. Юноша поднял голову, и в его глазах Элис увидела не страх, а яростную, животную боль. – Он не «тварь», – хрипло сказал юноша. – Он был мой брат. Из разорванной сумки на его поясе тускло мерцал кусок чешуи, размером с ладонь. Она была цвета закатного неба и черного обсидиана. Чешуя дракона. Элис вышла из тени. Её простые одежды из мха и коры, казалось, были частью болота. Она ничего не сказала, лишь посмотрела на охотников. И в её взгляде, внезапно, мелькнул отблеск былого – бездонная глубина драконьей памяти, тяжесть веков, прожитых не человеком. Старая карга, проваливай! – крикнул младший охотник, но в его голосе слышалась дрожь. Воздух вокруг Элис гудел от сконцентрированной мощи. – Вы принесли смерть в моё убежище, – её голос звучал как скрип древних камней. – И вы принесли частицу последней песни. Отдайте её мне. – Ни за что! – выкрикнул юноша, прижимая чешую к груди. Я должен… я должен её вернуть. К горе. Чтобы он обрёл покой.

Охотники, решив, что старуха – меньшая угроза, снова ринулись к нему. Но Элис просто щелкнула пальцами. Из дымки вокруг них выросли тени. Не просто отсутствие света, а плотные, вязкие существа из самой древней тьмы, что была до звёзд. Они обвили охотников, не дав сделать и шага. Те закричали, но крики быстро стихли, поглощенные сырой, беззвучной материей теней. Юноша замер, поражённый. Элис подошла к нему и опустилась на корточки. – Его имя? – спросила она мягко. Скайлар – прошептал юноша. Его звали Скайлар. Они убили его, пока он спал на солнце… ради чешуи. А я… я не смог его защитить. Слёзы, наконец, потекли по его грязным щекам, оставляя светлые дорожки. Элис бережно взяла чешую из его дрожащих рук.

Прикосновение было как удар тока. Она закрыла глаза, и перед ней пронеслись видения: могучие крылья, рассекающие облака, рёв, от которого дрожали горы, и тихая, мудрая печаль последнего из великих драконов, знавшего, что его эпоха уходит. – Он был одинок – сказала Элис, открывая глаза. И его смерть была тяжёлой. Но в этой чешуе остался не просто пепел силы. Осталась его песня. Песня о небе, которое помнит полёт. Она поднялась и протянула руку юноше. Меня зовут Элис. Я помню первого дракона. И я помогла похоронить многих. Давай положим твоего брата, Скайлара, в землю, которая ещё помнит их вес. И споём для него ту последнюю песню. Юноша, которого звали Кай, молча кивнул и взял её руку. Его рука была горячей и живой в её холодной, почти каменной ладони. Элис повела его за собой, через руины, которые были старше империй, в самое сердце Убежища – в залу, где на каменном алтаре

лежали десятки таких же чешуй, осколков костей и когтей. Каждая была немым напоминанием о ушедшей эпохе.

Когда Элис положила чешую Скайлара рядом с другими, в тишине пещеры что-то дрогнуло. Чешуя вспыхнула мягким светом, и на миг в воздухе повеяло теплом высокогорного ветра и запахом грозовых облаков. Кай выдохнул, и с этим выдохом из него ушла часть невыносимой тяжести. Что теперь? – спросил он тихо. Элис посмотрела на тлеющие в светящемся мхе артефакты, на пыль драконов, и затем на Кая – живого, полного боли и гнева, но и надежды. Теперь, сказала она, и в уголках её стальных глаз заблестело что-то, отдалённо напоминающее огонь – ты можешь остаться. Или уйти. Но знай: магия не умирает. Она лишь засыпает, пока не проснётся в ком-то снова. Иногда в виде дракона. Иногда – в виде тени от старой карги. А иногда… Она замолчала, глядя, как последний свет чешуи Скайлара отражается в его глазах. – …иногда – в виде мальчика с чешуёй в руках и песней мести в сердце. Выбор за тобой. И впервые за много веков Элис, хранительница ушедшего мира, почувствовала не тяжесть прошлого, а слабый, едва уловимый росток будущего. Потому что там, где есть память и есть гнев против забвения, там всегда найдётся место для новой, пусть и тихой, легенды.

Кай остался. Сначала на день, чтобы отдохнуть и похоронить чешую с подобающими почестями. Потом на неделю, потому что рана на его боку, оставленная копьём охотника, воспалилась, и Элис лечила её странными болотными травами, пахнущими дождём и медью. А затем он просто не ушёл. Не потому что не мог, а потому что Убежище перестало быть просто пещерой с реликвиями. Оно стало молчаливым собеседником, полным вопросов, на которые у него не было ответов.

Он узнавал историю по крупицам. Элис говорила мало, но каждая её фраза была как ключ к древнему замку. Она показывала ему, как «слушать» пыль на алтаре – не ушами, а кожей, внимая слабым эхо эмоций, застывших в артефактах. Чешуя горного дракона хранила сухой, пронзительный холод вершин. Обломок когтя из лавовых равнин едва уловимый жар ярости. А песня Скайлара, его брата, была похожа на ощущение перед полётом: тягучее напряжение мышц, зов бездны под крылом и безмерная, тихая радость свободы. – Почему вы это храните? – спросил он однажды вечером, когда туман затянул вход так плотно, что мир снаружи казался сном. Чтобы помнили? Элис, сидевшая у слабого огня из синеватого мха, не ответила сразу. Её пальцы перебирали гладкую, как речная галька, кость, которой было больше тысячи лет. Память это только начало, Кай, наконец сказала она.

Я храню их, чтобы они не стали оружием. Чешуя дракона, истолчённая в порошок, может дать кузнецу пламя, способное расплавить сталь Империи. Кость, правильно обработанная, становится фокусом для чар, разрывающих умы. Охотники Империи – всего лишь щупальца. За ними стоит жажда, которая не знает утоления. Они не хотят понимать драконов. Они хотят их использовать. Обратить последние следы чуда в инструмент. Кай сжал кулаки. Он вспомнил пустые, жадные глаза солдат, окруживших спящего Скайлара. Они не видели в нём существо, видящее сны о небе. Они видели ресурс. – Значит, вы – тюрьма для этих… эхо? Нет, – качнула головой Элис. Я – свидетель. И иногда проводник. Чтобы эхо, в конце концов, смогло успокоиться. Чтобы песня закончилась, а не оборвалась на полуслове. Она посмотрела на него, и её взгляд стал острым, как скальпель. А что хочешь ты? Твоя песня оборвалась. Что ты будешь делать с этим?

Кай отвернулся. Он хотел мести. Каждую ночь ему снился один и тот же кошмар: тяжёлое дыхание Скайлара, переходящее в предсмертный хрип, и холодная тяжесть чешуи в его руках, пока он бежал, трусливо бросив тело названного брата на растерзание стервятникам. Месть была единственным топливом, что горело в нём. Но здесь, в тишине Убежища, это пламя начинало жечь его изнутри, казалось грязным и неуместным рядом с тихой скорбью драконьей пыли. Его ответ прервал странный звук снаружи – не крик птицы и не рычание болотного

зверя. Это был металлический, вибрирующий гул, будто кто-то ударил по натянутой струне размером с сосну.

Элис мгновенно вскочила на ноги, её лицо стало встревоженным. Щит, прошептала она. Кто-то пытается пройти сквозь мои чары на границе. Она щёлкнула пальцами, и перед ними в воздухе заколебалось изображение, словно на поверхности воды. Сквозь пелену тумана они увидели отряд. Не двое, как в прошлый раз. Десять человек в полированных, лишённых всяких украшений латах. Их плащи были цвета сумерек, а на груди красовалась та же вышитая пылающая десница. Впереди шла женщина с острым, как клинок лицом и седыми, туго заплетёнными волосами. В её руках был не меч, а сложный металлический жезл, на конце которого пульсировал малиновый кристалл. Именно от него исходил тот самый гул. Следопыты Имперской Коллегии Арканистов – сказала Элис без эмоций. Не бандиты с большой дороги. Учёные палачи. Они нашли след.

Мой след? – упавшим голосом спросил Кай. Возможно. Или резонанс от чешуи Скайлара. Неважно. Они здесь. Женщина-следопыт подняла жезл, и кристалл вспыхнул ярче. Гул усилился, превратившись в пронзительный вой. Туман у входа в Убежище заволновался, словно в кипятке, и на миг показались древние руны, высеченные в камне, – они вспыхнули синим светом, затрещали, как лёд, и погасли. Щит пал – констатировала Элис, и в её голосе прозвучала не тревога, а холодная решимость. Они войдут через несколько минут.

Она повернулась к Каю и схватила его за плечи. Её пальцы впились в него с силой, которой он от неё не ожидал. Слушай меня, мальчик. Они пришли не за тобой. Они пришли за этим. Она махнула рукой в сторону алтаря. Они выскребут это место до камня, чтобы разжечь свои машины и выковать своё могущество. Ты должен уйти.

Я не побегу! – вырвалось у Кая, и старая ярость вспыхнула в нём с новой силой. – Они убили его! Я буду драться! Ты умрёшь, как дурак – отрезала Элис. Её глаза горели. И твоя смерть ничего не даст. Ты хочешь отомстить? Тогда стань чем-то большим, чем просто мальчишка с ножом. Их оружие – знание. Знание, которое они воруют. Твоё оружие должно быть другим. Она потянула его к дальнему углу пещеры, к участку стены, покрытому не рунами, а просто мхом. Прижала ладонь, что-то прошептала на языке, похожем на шелест чешуи о камень. Камень бесшумно отъехал, открыв узкую, тёмную расщелину, от которой пахло сыростью и чем-то древним. – Это ведёт через подземные реки к северным склонам. Иди. Беги. Ищи других.

– Других? Каких других? – растерянно спросил Кай. – Последних. Забытых. Как я. Как драконы. Ищи тех, кто ещё помнит песни ветра в крыльях и тепло земли под брюхом. Скажи им… скажи им, что Хранительница зовёт. Что Последнее Убежище пало. И что пора просыпаться. Снаружи уже были слышны чёткие, тяжёлые шаги по каменному полу. Элис выдернула из своих седых волос тонкий шип, похожий на серебряный коготь. Втолкнула его в руку Каю.

– Возьми. Это не оружие. Это ключ. И память. Теперь иди! Она почти силой впихнула его в расщелину. Кай, спотыкаясь, шагнул в темноту. Последнее, что он увидел, повернув голову, был силуэт Элис на фоне слабого света пещеры. Она стояла, выпрямившись во весь свой, казалось бы, невысокий рост, но в её осанке была несгибаемая мощь. Её руки уже были подняты, а из теней у её ног начинали подниматься плотные, безмолвные фигуры – древние стражи, сплетённые из самой тьмы болот. Камень сзади соскользнул на место, отрезав свет и звуки. Осталась только полная, давящая темнота и холод серебряного шипа в его сжатой ладони. И слова, которые теперь горели в его сознании ярче любого огня: «Пора просыпаться». Бежать. Искать. Не мстить, а… помнить. И напомнить другим. Где-то позади, в сердце павшего Убежища, раздался оглушительный рёв – не человеческий, не звериный. Это был рёв стихии, голос древней магии, которую разбудили. Это был боевой клич дракона, которого давно не было. Элис перестала прятаться. Кай стиснул ключ-коготь до боли, ощутив его странное, живое тепло, и

побежал навстречу подземной реке, тьме и невероятно трудному будущему. Он больше не был просто Каем, братом дракона. Теперь он был Вестником. И его путь только начинался.

Глава 2. Шёпот подземных рек.

Тьма была абсолютной. Она не просто окружала – она проникала внутрь, заполняя лёгкие, уши, сами мысли. Кай шёл, вернее, брёл, почти на ощупь, одной рукой скользя по шершавой, мокрой от конденсата и слизи стене туннеля. Холодная вода, в начале была по щиколотку, а теперь доходила ему до пояса, высасывая тепло и замедляя каждый шаг. Подводные потоки норовили свалить его с ног, цеплялись за порванную одежду невидимыми руками. В ушах ещё стоял оглушительный рёв, с которым Элис начала свой последний бой – звук, от которого содрогнулось само пространство. Но здесь, в глубине, царила гнетущая тишина, прерываемая лишь его хлюпающими шагами и прерывистым, слишком громким дыханием.

Ярость и отчаяние, заставившие его крикнуть о желании сражаться, угасли, оставив после себя леденящую пустоту и горящий стыд. Он сбежал. Снова. Сначала – оставив тело Скайлара на растерзание, теперь – бросив старую женщину на верную гибель. Он был трусом. Не братом-мстителем, не воином, а просто мальчишкой, которого гнали, как затравленного зверя, всё глубже под землю.

«Ты хочешь отомстить? Тогда стань чем-то большим…» – слова Хранительницы отдавались в его голове как издевка.

«Большим. Чем?» – мысленный вопрос был полон горечи. Он был никем. Подкидыш, которого люди из приграничной деревни считали «отмеченным болотом» и боялись. Он выжил только благодаря стае горных грифонов, принявших его за своего детёныша. Но все изменилось когда он нашел в скалистом ущелье окровавленного, ещё живого дракончика с подбитым крылом. Скайлар. Они были изгоями вдвоём. Последний дракон своего выводка, чьи сородичи пали от рук охотников за «трофеями», и дитя людей, которого те же люди презирали. Их связывало не кровное родство, а родство душ, выброшенных за пределы своих миров. И что он, Кай, мог сделать против Империи, у которой были такие машины и такие маги, что одним жезлом ломали древние, как сам мир, чары? Он не знал никаких песен, кроме свиста ветра в ущельях. Не владел магией. Его оружием всегда была лишь скорость, умение прятаться и острая, грубая костяная пика, которую он потерял ещё у болот.

Слепое движение вперёд стало единственным способом не сойти с ума. Он считал шаги, потом сбивался, начинал снова. Время потеряло смысл. Может, прошёл час, может, целые сутки. Рана на боку, которую так старательно лечила Элис, ныла тупой, горячей болью, напоминая о каждом неловком движении.

И когда ему начало казаться, что этот туннель будет вести в никуда вечно, впереди забрезжил свет. Не яркий, не золотой, как солнечный, а призрачный, фосфоресцирующий. Синевато-зелёное свечение, словно от гниющих пней, но в нём была странная, умиротворяющая красота. Туннель расширялся, переходя в пещеру немыслимых размеров. Своды её терялись в вышине, усеянные тысячами мягко светящихся наростов – то ли гигантских грибов, то ли лишайников, то ли чего-то совсем иного. Их света хватало, чтобы разглядеть пространство. Воздух здесь был другим – влажным, тяжёлым, пахнущим сыростью, но и сладковатой пыльцой, чем-то древним и неторопливым.

Посреди пещеры подземная река замедляла свой бег, разливаясь в широкое, спокойное озеро, чья гладь отражала призрачное сияние сводов, как тёмное зеркало звёздной ночи. Кай остановился на каменистом выступе, переводя дух. Его ноги дрожали от напряжения и холода. Он впервые за много часов сел, прислонившись спиной к тёплой, странным образом нагретой стене, и только тогда разжал онемевшую от напряжения руку.

В его ладони лежал дар Элис. Шип был длиной с его ладонь с растопыренными пальцами. При ближайшем рассмотрении он оказался не серебряным, а сделанным из какого-то перламутрово-тусклого материала, который переливался всеми оттенками луны – от холодного

белого через голубой к почти чёрному. Он был тёплым на ощупь, будто живым. На его поверхности проступали тончайшие, словно паутина или линии на карте, прожилки. Когда Кай прикоснулся к ним подушечкой пальца, шип отозвался. Не звуком, а вибрацией – лёгкой, едва уловимой пульсацией, сродни мурлыканью спящего зверя или биению далёкого сердца. И в голове на миг пронеслись обрывки, не образы даже, а *чувства*: терпкая свежесть болотной мяты на языке, ощущение бархатного мха под босыми ступнями, вкус старого, густого вина из тёмной бузины, и сквозь всё это – тихая, знакомая грусть долгой-долгой одинокой ночи. *Память Элис*, – с изумлением понял он. Частичка её, запечатанная в этом… ключе.

Но ключ от чего? От других дверей? От других Убежищ? От сердца мира? Вопросы роились в голове, не находя ответов.

Его размышления прервал звук. Не гул железа и не скрежет магии, а нечто совершенно иное. Тихий, мелодичный плеск, будто кто-то осторожно водил ладонью по воде, рисуя круги. Затем – лёгкий всплеск, и снова тишина. Кай замер, инстинктивно прижавшись к стене, сжимая шип в кулаке как последнее оружие.

В центре озера, там, где свет грибов падал на воду прямым столбом, что-то шевелилось. Из тёмной, словно чернила, воды медленно показалась спина – гладкая, влажная, отливающая в призрачном сиянии невероятными цветами: глубоким нефритово-зелёным, переходящим в молочный селенит и сиреневые отсветы аметиста. Существо было длинным, змеевидным, но мощным. Короткие, мускулистые лапы с широкими перепонками между пальцев медленно рассекали воду, почти бесшумно. Оно плыло с врождённой, древней грацией.

Затем оно повернуло голову. Кай затаил дыхание. Морда была вытянутой, изящной, без единого намёка на агрессию. Кожа на морде была тоньше, полупрозрачной, и под ней слабо мерцали прожилки того же света, что и на сводах. Но больше всего поражали глаза. Огромные, занимающие пол-лица, полностью чёрные, как полированный обсидиан или бездонная глубина океанской впадины. В них не читалось ни злобы, ни страха – лишь спокойное, всевидящее любопытство. Узкие ноздри-щели дрогнули, улавливая его запах в воздухе.

Инстинкт велел отпрянуть назад, в тёмный туннель, но ноги словно вросли в камень. Он застыл, заворожённый. Это существо не было похоже ни на дракона, ни на какую-либо болотную тварь, о которой он слышал в страшных сказках. Оно было… иным. Древним, как сама пещера, и таким же невозмутимым.

Существо издало звук. Не рык, не шипение. Что-то среднее между низким, мелодичным воркованием и серией щелчков, похожих на стук камешков друг о друга. Звук был на удивление сложным, неся в себе какой-то вопрос. Оно не выглядело агрессивным. Скорее, заинтригованным. И в этот миг Кай вспомнил слова Элис, вырвавшиеся у неё в спешке: *"Ищи других. Последних. Забытых. Как я. Как драконы"*.

Сердце ёкнуло. Он медленно, очень медленно, боясь спугнуть, поднял руку с шипом-когтем, показывая его существу. Чёрные, бездонные глаза сузились, фокусируясь на предмете. Существо скользнуло по воде с поразительной скоростью, бесшумно приблизившись к его каменистому выступу. Длинная, гибкая шея изогнулась, чтобы рассмотреть артефакт с разных сторон. Затем оно медленно, почти церемонно, протянуло голову вперёд. Влажный, холодный нос, напоминающий гладкий речной камень, осторожно ткнулся в его раскрытую ладонь прямо под шипом.

И мир рухнул.

В его сознание не хлынул, а *ворвался* поток. Это были не просто образы или мысли. Это были воспоминания, переданные с такой интенсивностью, что Кай физически почувствовал головокружение и едва не упал в воду.

Он видел тёплые, илистые берега огромного внутреннего моря, освещённые не одним, а двумя лунами – одной серебряной, другой медово-янтарной. Воздух был густым и тёплым, пахнущим солью и цветущими водорослями.

Десятки, сотни таких же существ – длинных, грациозных, переливающихся всеми цветами водной глубины. Они лежали на отмелях, сплетались в сложные, живые узоры, и пели. Их песня не была звуком в человеческом понимании. Это была вибрация, пронизывающая воду и воздух, сложная многослойная симфония щелчков, свистов, горловых переливов. От их хоров на спокойной поверхности воды расходились геометрически правильные узоры, светившиеся мягким светом. Они не говорили. Они пели миры в существование, песнями измеряли глубины, лечили раны земли, успокаивали шторма.

Потом пришли Корабли. Сначала единицы, с любопытными, а потом и с жадными глазами. Люди. Сначала просили, потом требовали. Их песни, их «никсианские напевы», как назвали их люди, обладали силой – успокаивали ум, лечили болезни души. За ними пришли другие – с сетями из жил дремлющих чудовищ, с острогами, на кончиках которых горели руны подавления. Началась охота. За живыми «сиренами», как их окрестили, за их яйцами, за самой водой из их моря, обладавшей после их песен чудесными свойствами.

Молотки, забивающие в священные скалы сваи для портов. Глухой, болезненный стон земли, которую калечили, которую заставляли молчать. Дым из труб первых фабрик, отравляющий воздух. Бегство. Не сражение, а бегство. Уход в глубины, в подземные реки, что были кровеносной системой мира. Забвение. Век за веком. Песни становились тише, редели хоры. Они забывали самих себя, превращаясь в тихих, пугливых духов подземелий.

И… свет в кромешной тьме. Одинокий, тёплый огонёк на берегу подземного озера. Образ женщины, не старой и не молодой, с глазами цвета воронёной стали. Она опускала в воду не сети, а дары: хлеб, пропитанный мёдом и тишиной, спелые ягоды, в которых был вкус забытого солнца. Она не пыталась поймать. Она кормила. И иногда, очень тихо, напевала что-то на своём языке, и это было похоже на эхо их древних песен. Это была Элис. Хранительница. Не хозяйка, а соседка. Друг.

Поток воспоминаний прекратился так же внезапно, как и начался, оставив после себя ломоту в висках и странную пустоту в груди, как после рыданий. Кай открыл глаза, которых не помнил, что закрывал. Существо – *никсия*, как пришло знание из её же памяти – отплыло на шаг назад. Вода стекала с её изящной головы. Она склонила её набок, и в её чёрных, бездонных глазах читался немой, но кристально ясный вопрос: «Зачем ты пришёл? Что случилось со Светлой?»

«Светлая» – так, понял Кай, никсия воспринимала Элис. Не по имени, а по сути – как тёплый, постоянный источник спокойствия в их тёмном мире.

Он попытался собрать мысли. Как говорить с тем, кто общается потоками памяти? Он снова поднял шип, прижал его к своей груди, туда, где болело больше всего – где была пустота после потери Скайлара. Он попытался не думать словами, а *чувствовать*, проецировать вовне, как это сделала никсия.

Боль. Потеря. Кровь на чешуе. Охотники с пылающей рукой на плащах. Падающий щит. Рёв Элис, полный ярости и скорби. Камень, захлопнувшийся за спиной. Темнота. Бегство.

Он послал ей образ огня, пожирающего Убежище (хотя не знал, правда ли это), образ пустого алтаря. И последнее, самое важное, что сумел выцепить из памяти самой Элис в момент, когда она вручала ему шип: *"Скажи им, что Хранительница зовёт. Что Последнее Убежище пало. И что пора просыпаться".*

Никсия замерла. Её переливчатое тело напряглось. Чёрные глаза расширились, и в них впервые мелькнуло что-то кроме любопытства – шок, а за ним глубокая, вековая скорбь. Она издала новый звук – протяжный, вибрирующий стон, похожий на скрип разламывающегося льда или стон самой земли. Этот звук отозвался эхом в пещере, и Каю показалось, что на него откликнулись другие, далёкие голоса из боковых туннелей, ведущих в неизвестность.

Затем она резко, почти молниеносно, нырнула. Вода взметнулась высоким фонтаном, обдав Кая ледяными брызгами. Через мгновение она появилась у противоположной стены

пещеры, где из-под воды, почти неразличимо, виднелось тёмное пятно – вход в очередной подводный туннель. Она обернулась, её глаза снова нашли Кая в полумраке. Она издала короткую серию повелительных щелчков и скользнула в тёмный проём, показав на миг сверкающий в воде кончик хвоста.

Призыв был ясен.

Сердце Кая забилось чаще, но теперь не от страха. Это была странная смесь трепета и решимости. Он не просто носитель ключа и вести о падении. Он был *услышан*. Первое забытое существо в этом подземном мире откликнулось на зов. Элис, возможно, сражалась и гибла там, наверху, но её послание не умерло. Оно пошло вглубь, как корень, ищущий влаги.

Он не был больше просто Каем, братом дракона, бегущим мальчишкой. Он стал связью. Мостом между миром ушедших легенд и… чем? Будущим? Пробуждением?

Он глубоко вздохнул, запах сырости и древности наполнил лёгкие. Он стиснул тёплый шип-коготь, ощутив его ответную, ободряющую пульсацию, и шагнул с выступа обратно в ледяную воду, направляясь к тёмному проёму. Путь вперёд лежал не через месть в лобовой атаке. Он лежал через глубины, через пробуждение спящих песен, через поиск других, таких же забытых, таких же одиноких. Путь только начинался, и первый проводник ждал его в тёмной воде.

А далеко позади, в Последнем Убежище, бой уже стих. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом озона, горелой плоти и чем-то ещё – горьким, как полынь, запахом распавшейся древней магии. На полу главной залы, среди обломков сталактитов, сбитых ударной волной, лежали пять тел в искалеченных, почерневших доспехах. Они были опутаны не тенями, а чем-то вроде чёрного, живого дыма, который теперь медленно испарялся, оставляя после лишь истлевшую ткань и оплавленный металл.

Женщина-следопыт, капитан Арра, стояла, опираясь на обломок своего жезла. Её некогда безупречный доспех был исчерчен глубокими царапинами, будто от когтей невидимого гигантского зверя. Половина её туго заплетённых седых волос была опалена, на щеке зияла кровавая ссадина. Её лицо, обычно холодное и невозмутимое, искажала ярость, смешанная с невероятным изумлением. Вокруг неё, сжимая оружие, стояли четверо уцелевших солдат. В их глазах читался животный ужас.

Алтарь в центре залы был пуст. Абсолютно. Даже пыль с его поверхности, казалось, была тщательно сметена.

«Ничего…» – прошипела Арра, её голос сорвался на хрип. – «Ни единой чешуйки! Ни осколка! Это невозможно! Сигнал был ясен! Здесь была концентрация артефактов невероятной силы!»

Один из солдат, молодой парень с трясущимися руками, показал на стену у дальнего угла. «Капитан… там».

Арра подошла. На каменной стене, там, где раньше был скрытый мхом вход, теперь не было даже намёка на щель. Но на гладкой поверхности кто-то выжег, точнее, *выгрыз* что-то магией или когтями. Это был не язык Империи, не любой из известных ей древних наречий. Это был простой, сырой рисунок. Изображение драконьей чешуи. А вокруг него – несколько вложенных друг в друга кругов, как рябь на воде.

«Она не просто защищала это место – пробормотала Арра, проводя пальцем по обугленному контуру чешуи. Она его… эвакуировала. Куда?»

«Отсюда вёл потайной ход, – уверенно сказала она, обернувшись к солдатам. – Он должен быть здесь. Найти его! Просветить каждую пядь камня!»

Но часы поисков с помощью сохранившихся артефактов ничего не дали. Камень был цельным, непробиваемым для их сканеров на тридцать футов вглубь. Как будто прохода никогда и не существовало, а сама пещера заживила рану.

Разгневанная, но вынужденная признать временное поражение, капитан Арра отдала приказ собирать немногих раненых и тела погибших. Её ум, отточенный годами охоты за знаниями, уже работал. Старуха-хранительница, способная призывать тьму из эпохи до звёзд. Исчезнувшие драконьи реликвии. И мальчик, которого видели с чешуей. Мальчик, который сбежал. Все части складывались в тревожную картину. Это был не просто склад артефактов. Это был узел сопротивления. И если здесь кто-то собирал и охранял остатки древней силы, значит, могли быть и другие места. Другие хранители.

Она посмотрела на выжженный на стене символ. Чешуя и круги. Распространение. Предупреждение.

«Всё не зря, – тихо сказала она себе, выпрямляясь. – Мы нашли не склад. Мы нашли гнездо шершней. И теперь мы знаем, что они существуют. Доложить Верховному Аркану. Миссия изменена. Мы начинаем охоту не за артефактами. Мы начинаем охоту за Хранителями».

Пока её люди готовились к выходу, Арра в последний раз обвела взглядом пещеру. Её взгляд упал на то место, где стояла Элис в последние мгновения перед схваткой. Там никого не было. Лишь гладкая, чуть влажная стена. Но капитану почудилось, что в самой глубине камня, на грани восприятия, мерцает слабый отблеск – словно далёкое, усмехающееся отражение стали в глазах, которые видели рождение миров. Она поёжилась и, стараясь не выдавать суеверного страха, решительно направилась к выходу, в покрытую дымкой болотную мглу, чтобы доложить о рождении новой, совсем другой войны.

Глава 3. Песнь подземного моря.

Тёмная, студёная вода поглотила Кая с головой. Мир сузился до леденящего мрака, давящего на барабанные перепонки, и отчаянного стука собственного сердца, заглушаемого гулом в ушах. Он инстинктивно зажмурился, задержал дыхание до боли в лёгких и оттолкнулся от скользкого дна вслепую, туда, где мелькнул последний отблеск переливчатой чешуи. Рука, сжимающая шип, немела от холода, но сам артефакт, казалось, пульсировал изнутри слабым, ровным теплом – единственной точкой опоры в этой жидкой, враждебной пустоте.

Он плыл, отчаянно работая ногами, ощущая, как тяжёлая, мокрая одежда тянет его вниз. Свет от входа в пещеру быстро исчез, сменившись абсолютной, душащей чернотой. Лишь изредка впереди, как призрачный маяк на грани галлюцинации, возникало и тут же таяло слабое сияние – отблеск на чешуе его проводницы. Он плыл за этим миражом, борясь с паникой, роющейся под рёбрами холодным червём. «Я утону. Здесь. В темноте. И никто не узнает». Мысль была острой и ясной. Лёгкие горели, требуя воздуха. Он уже видел перед глазами не цветные пятна, а тёмно-багровые всполохи, когда туннель внезапно, почти вертикально, пошёл вверх.

Он вынырнул, втягивая воздух с хриплым, сдавленным звуком, похожим на рыдание. Вода хлестнула в лицо, но он лишь сжал её в горсти и снова вдохнул, глубоко, с жадностью утопающего. Открыв глаза, он замер, поражённый.

Пещера, в которой он оказался, была не просто большой. Она была грандиозной. Её своды терялись где-то в вышине, в дымке тёплого пара, поднимающегося с поверхности воды. Воздух был густым, влажным и невероятно тёплым, пахнущим сырой землёй, чем-то сладковато-пряным и старой, влажной древесиной. А свет… Свет исходил отовсюду. Стены, испещрённые причудливыми натёками, потолок, даже часть дна у берегов были покрыты колониями светящихся организмов. Но это были не синеватые грибы из предыдущего туннела. Здесь горели золотые, янтарные, медовые и тёплые оранжевые огни. Целые поля мхов и лишайников переливались, как внутренность гигантского, живого самоцвета, отбрасывая на воду и камни движущиеся, тёплые тени. Вода в огромном подземном озере была кристально чистой, парящей лёгкой дымкой, и на удивление тёплой, почти горячей у берегов. И она кишела жизнью.

Вокруг Кая, не обращая на него особого внимания, плавали десятки существ. Никсии. Одни, небольшие, с яркой, почти неоновой чешуей бирюзового и изумрудного оттенков, резвились на мелководье, гонялись друг за другом, издавая звуки, похожие на звон хрустальных колокольчиков и детский смех. Другие, крупнее, с более спокойными, глубокими цветами – тёмным лазуритом, фиолетовым аметистом, бурым – лежали на плоских, нагретых камнях, погружённые в дремоту или тихо общаясь между собой сложными сериями щелчков, булькающих трелей и горловых переливов. В воздухе стоял непрерывный, многослойный гул – не громкий, но заполняющий всё пространство. Это была их фоновая песня, звук самой жизни этой колонии. И это был не хаос. Это была сложная, живая, умиротворяющая симфония, в которой слышался ритм воды, дыхание камня и тихий пульс самой земли.

Никсия, что привела его, уже выскользнула на широкую каменную плиту у воды и, отряхиваясь, повернула изящную голову в его сторону. Она издала короткую, повелительную трель. И постепенно гул стих. Десятки пар чёрных, блестящих, как полированный обсидиан, глаз уставились на Кая. Наступила тишина, нарушаемая лишь мягким плеском воды да его собственным тяжёлым, неровным дыханием, которое теперь казалось грубым и неуместным в этой хрустальной гармонии.

Он, дрожа от контраста температур (вода была тёплой, но мокрая одежда на прохладном воздухе высасывала тепло), выбрался на плиту. Камни под ногами были гладкими, отполированными бесчисленными телами, и тёплыми, как печка. Он чувствовал себя не просто чужим

– он чувствовал себя варваром, ворвавшимся в святилище. Что он должен делать? Кричать? Размахивать руками и просить о помощи? Он снова поднял руку с шипом Элис, держа его перед собой не как оружие, а как доказательство своих слов и права быть здесь.

В ответ из толпы никсий медленно, с неоспоримым достоинством, выплыла вперёд одна из них. Она была огромной. Вдвое, если не втрое, больше его проводницы. Её чешуя не переливалась радужными отсветами – она была глубокого, матового, почти чёрно-синего цвета, как ночное небо в безлунную ночь перед самым рассветом. На её морде, шее и спине зияли шрамы – длинные, белесые полосы, грубые, напоминающие о острых крюках, сетях или когтях. Её глаза, такие же бездонно-чёрные, казались старше гор, окружавших Иммервиль. В них читалась не агрессия, а бесконечная, тяжелая мудрость и тихая печаль. Это была Старейшина. Матриарх этого тайного народа.

Она приблизилась бесшумно, разрезая тёплую воду едва заметными движениями перепончатых лап. Кай замер, поборов желание отступить. Холодный, влажный нос, размером с его кулак, коснулся сначала шипа, задержавшись на нём на мгновение, а затем плавно переместился к его лбу, чуть выше переносицы. Контакт.

На этот раз поток сознания был иным. Не бурным водоворотом образов, как в первый раз, а медленной, глубокой, могучей рекой чувств и воспоминаний. Он не столько видел, сколько ощущал.

Он ощутил вековую, тяжелую как свинец скорбь за потерянную родину – не просто место, а целое состояние бытия, мир под двумя лунами, где песня была языком, а вода – страницей для написания истории. Он почувствовал тихую, но несокрушимую, как гранит, решимость сохранить хоть что-то: эту последнюю колонию в тёплых глубинах, эти последние, уже полузабытые напевы. Он ощутил глубокую, почти детскую признательность к «Светлой» – так никсии воспринимали Элис. Не как повелительницу, а как тихого союзника, мост между их затворническим миром и тем, что наверху. Она была той, кто напоминал им, что не весь мир снаружи враждебен. И теперь, сквозь всё это, он почувствовал тревогу. Острую, холодную. Падение Убежища было не просто потерей друга или соседа. Это было падение последнего щита, последней преградой между их хрупким, поющим миром и бездушной, алчной машиной Империи, которая когда-то уже изгнала их предков. Их страх был древним и генетическим.

Затем контакт оборвался. Старейшина отплыла на несколько метров, её огромное тело слегка колыхалось на мелкой волне. Она повернулась к своему народу. И запела.

Это не была речь. Это была полноценная, сложная песнь-повествование. Её голос, низкий, вибрирующий, полный невероятной глубины и печали, заполнил пещеру. Кай, всё ещё связанный с ней тончайшей нитью эмпатического резонанса, понимал. Он не слышал слов, но смысл вплетался прямо в его душу.

Она пела о Светлой. О её долгих одиноких годах у границ их мира. О её дарах – не только еде, но и тишине, которую она приносила, отгоняя шумящих нарушителей. Она пела о её последнем дне – о боли, что пришла с её дымкой, о железе и страхе, что нарушили покой болот. Она пела о мальчике-вестнике, чьё сердце было разорвано потерей, и кто принёс не только ключ-воспоминание, но и холодный ветер грядущей бури. И затем, поднимаясь к кульминации, она пела старую истину, заповедь, которую, казалось, забыли даже они сами, уйдя вглубь и в себя: «Когда шторм срывает крышу с пещеры, укрытие находят не в самой глубокой норе, а в силе, чтобы построить новую. Чтобы выжить, иногда нужно не глубже прятаться. Иногда нужно вспомнить, как петь так, чтобы тебя услышали те, кто спит в других пещерах. Песнь одиночества ведёт к гибели. Песнь общности – к рассвету».

Когда последняя вибрация её голоса затихла, растворившись в тёплом воздухе, в пещере воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Даже вода, казалось, перестала плескаться. Затем одна из молодых никсий с чешуей цвета молодой листвы издала короткий, вопросительный звук, полный сомнения. Ей ответила другая, более взрослая, её «речь» была длиннее, в ней

звучала тревога и нежелание менять устоявшийся веками покой. И пошло-поехало. Воздух наполнился тихим, но интенсивным, многоголосым гудением. Они спорили. Они, веками жившие в добровольной изоляции и относительной безопасности, решали свою судьбу, и судьбу, возможно, всех, кто подобно им, прятался в забытых уголках мира.

Кай стоял, чувствуя себя виновником этого раздора, и это жгло его изнутри сильнее любого стыда. Он принёс с собой не надежду, а угрозу. Он был вестником конца их спокойной жизни.

Наконец, Старейшина, которая всё это время молча наблюдала, подняла лапу и мягко шлёпнула ею по воде. Звук, резкий и влажный, как выстрел, прервал разговоры. Все взоры снова устремились к ней. Не издав ни звука, она медленно поплыла вдоль берега к дальней стене пещеры. Её движение было неоспоримым приказом.

За ней потянулись другие – сначала её ближайший круг, старые, покрытые шрамами особи, затем взрослые, и наконец, молодёжь, всё ещё перешёптываясь на своём языке. Создавалось впечатление торжественной, немного похоронной процессии.

Кай остался стоять, не зная, что ему делать. Его проводница мягко, но настойчиво подтолкнула его мордой в спину, подбадривая следовать.

Он поплёлся за ними по тёплым, гладким камням, чувствуя, как на него смотрят сотни глаз, оценивая и взвешивая. У дальнего конца озера, где светящиеся мхи росли особенно густо, из воды выступал гигантский, причудливой формы сталагмит. Он был не просто большим – он был монументальным, высотой с дерево, и весь покрытый слоями кальцита, которые делали его похожим на застывший, молочного цвета водопад или на скрюченные, окаменевшие мышцы земли. Вокруг него вода была особенно глубокой и тёмной, почти чёрной, поглощающей свет.

Старейшина остановилась перед этим природным монументом. Она не обернулась. Просто замерла, глядя на камень. Затем, запрокинув голову, она издала звук, которого Кай ещё не слышал – пронзительный, высокий, чистый, как звон серебряного колокола, но с таким мощным металлическим скрежетом, что у Кая заложило уши. Звук ударил в камень, и вода вокруг заколебалась, пошла кругами.

И тогда Кай увидел. Это не был просто сталагмит. У его основания, под водой, на тёмном, отполированном веками камне, были высечены гигантские барельефы. Стилизованные, плавные изображения никсий, плывущих не в воде, а среди звёзд и спиралей туманностей. И в самом центре этой подводной красоты – символ. Несколько кругов, расходящихся от центральной точки. Тот самый символ, что был и на шипе Элис, и как он теперь вспомнил, выжженный на стене Убежища в последний миг.

Сердце Кая екнуло. Он понял. Это был не просто знак. Это была печать. Часть чего-то большего.

Старейшина медленно повернула к нему свою тяжёлую голову. Её взгляд перешёл с его лица на сжатую в кулаке руку с шипом. Мысль, ясная и недвусмысленная, пришла в его сознание без всякого касания: «Твой ключ. Наше гнездо. Пришло время».

С замирающим сердцем, понимая, что от него зависит нечто огромное, Кай шагнул вперёд. Тёплая вода дошла ему до груди. Он поднял перламутровый шип, ощущая его странную, живую тяжесть, и не раздумывая больше, прижал его остриём к центру каменных кругов.

Произошло то, чего он никак не ожидал. Шип не ударился о камень. Он вошёл в него. Не как нож в масло, а как ключ в идеально подогнанный, смазанный тысячелетиями замок. Раздался не щелчок, а низкий, мощный, органный гул, исходящий из самых недр планеты. Вода вокруг закипела мелкими пузырьками. Светящиеся мхи на стенах вспыхнули втрое ярче. Круги на камне зажглись изнутри золотым, солнечным светом. Свет побежал по тончайшим, почти невидимым каналам, вырезанным в камне, зажигая линии древних барельефов, пока весь гигантский сталагмит не засиял, как колоссальный кристаллический фонарь, отбрасывающий подвижные, танцующие тени на стены пещеры.

И тогда запели ВСЕ.

Каждая никсия в пещере, от самой мелкой до Старейшины, открыла рот и влила свой голос в общий поток. Это была не та фоновая симфония, что звучала раньше. Это была древняя, мощная, ритуальная песня. Их голоса слились в единый, невероятно сложный хор, вибрация которого пронизывала всё: воду, заставляя её плясать мелкими стоячими волнами; воздух, который стал плотным и звучным; камень, который ответил собственным, едва слышным звоном; и, самое главное – самого Кая. Он чувствовал, как звук проходит сквозь каждую клетку его тела, вытряхивая наружу накопленный страх, усталость, горечь потери, наполняя взамен странной, тихой, но несокрушимой силой. Это была сила принадлежности. Сила того, что ты – часть целого, часть истории, которая началась задолго до тебя и продолжится после.

Под его ногами, на дне озера, засветились другие линии – тонкие, голубоватые нити света, расходящиеся в разные стороны, в тёмные туннели, как корни или нервы. Он понял. Это была не просто пещера. Это был узел. Одна из активных точек древней, дремавшей сети, связывавшей «последних», «забытых» по всему миру. Сети, о которой, возможно, даже Элис знала лишь частично.

Свет от сталагмита сконцентрировался, сжался в плотный, почти жидкий луч золотисто-белой плазмы и с громовым хлопком ударил в противоположную стену пещеры, в место, где не было видно ничего, кроме грубого камня. Базальт там задрожал, заволновался, стал прозрачным, как мутное стекло, а затем и вовсе исчез, открыв окно в другое место.

Кай увидел… другую реальность. Сухую, пыльную пещеру где-то далеко. Её стены были красными, испещрёнными ветровой эрозией. На потолке была гигантская трещина, сквозь которую падал широкий столб полуденного солнца, жёлтого и ядовитого. В этом столбе света, свернувшись массивным, покрытым пылью кольцом, спало существо. Оно было огромным, больше слона. Его тело покрывала не чешуя, а толстая, потрескавшаяся, как высохшая глина, шкура коричневого и серого цветов. Короткие, могучие лапы были втянуты под туловище, тяжёлая, приземистая голова покоилась на земле, увенчанная не острыми рогами, а тупыми, сглаженными временем наростами, похожими на сталагмиты. Оно дышало медленно, раз в несколько минут, и с каждым вдохом с его шкуры осыпалась мелкая пыль. Это не был дракон. Это было нечто древнее, что пахло в его восприятии глубокой, немой силой спящего вулкана, неподвижным временем пустынь и терпением самой земли. Земляной страж. Мысль пришла сама собой, навеянная общим полем песни никсий.

Видение длилось недолго, может, десять секунд. Песня хора начала стихать, их коллективная сила, подпитывавшая древний механизм иссякала. Камень стены снова стал плотным, непроницаемым. Свет погас так же внезапно, как и вспыхнул, оставив после себя тёмные круги перед глазами. Шип Элис сам собой выскользнул из камня и упал в его раскрытую ладонь. Он был теперь не просто тёплым – он был почти обжигающе горячим, и его перламутр отливал теперь глубоким золотом, словно вобрав в себя часть света активации.

Старейшина, внезапно ставшая выглядеть очень, очень старой и уставшей, медленно, с усилием повернулась к нему. Её мощные лапы дрожали от напряжения. В её бездонных глазах не было больше вопроса. Было знание, принятие и… поручение. Она послала ему последнюю, кристально ясную мысль, сопроводив её стойким, как гравировка, образом спящего земляного стража из красной пещеры: «Следующий узел. Спящий. Разбуди. Сеть должна ожить. Песня должна идти дальше. Ты – проводник. Ты – голос Светлой теперь».

Кай сглотнул ком в горле. Его миссия, которая минуту назад казалась простым бегством и смутным поиском «других», обрела новый, ошеломляющий и пугающий масштаб. Элис дала ему ключ, но не сказала (или не успела?), что он отпирает не просто двери, а целые порталы, активирует спящие узлы и показывает дорогу к следующим хранителям. Никсии не просто приняли его весть. Они подтвердили её, активировали часть сети и указали направление. Они

сделали его не просто вестником, а пробудителем. Звонким колоколом, который должен разбудить спящих гигантов.

Он глубоко кивнул Старейшине, выражая благодарность и принятие долга так красноречиво, как только мог. Затем посмотрел на свою проводницу. Та уже ждала его у входа в один из боковых туннелей на дальнем конце озера – не тот, откуда они пришли, а другой, более узкий и тёмный, ведущий, как он теперь понимал, не просто вглубь земли, а к следующей точке на этой древней, тайной карте мира.

Он перевел дыхание, поправил свой узелок (чудесным образом почти сухой, будто вода его не касалась), крепче, до побеления костяшек, сжал горячий, тяжёлый теперь шип и шагнул вперёд. На прощание он обернулся. Сотни пар чёрных глаз смотрели на него с молчаливым, но мощным напутствием. И затем, тихо, словно колыбельную или благословение, зазвучала новая песня. Не громкая и эпичная, как активационная, а тихая, личная, нежная. Песня об одиноком путнике, идущем по тонкой нити между мирами. О его потере, которая стала его силой. О ключе, который он нёс, и о дороге, что ждала впереди. Они пели для него. О нём.

С этой песней в сердце – мелодией, которая будет согревать его в самых холодных туннелях, – Кай оглядел светящееся золотом подземное море и его певчих, мудрых стражей, и исчез в чёрном зеве нового прохода. Впереди лежали бесконечные мили подземного мира, красная пыльная пещера, спящий зверь стихий и новая, невообразимо сложная часть пробуждающейся легенды, тихой войны против забвения.

А в это время на поверхности, в строгом, лишённом украшений походном шатре капитана Арры на краю Иммервильских болот, шёл напряжённый разговор по кристаллу связи. Кристалл, установленный на складной железной треноге, излучал холодный, синеватый свет, в котором лицо Арры казалось ещё более измождённым и острым.

«…повторяю, верховный: материальных артефактов на месте не обнаружено. Помещение было очищено с почти хирургической точностью. Сама Хранительница – субъект «Элис» – продемонстрировала способности, выходящие за рамки всех предыдущих отчётов о «диких» магах. Она манипулировала формами тени и тьмы дотической эры. Потери: пять бойцов элитного отряда, полностью, без возможности восстановления тел. Один артефакт резонансного сканирования «Проницатель» уничтожен».

Из кристалла, искажаясь лёгкими помехами, донёсся голос. Он был холодным, ровным, лишённым каких-либо эмоций, как скрип пера по пергаменту. Голос Верховного Аркана Таэля: «Потери неприемлемы, но ожидаемы при контакте с субъектом такого класса. Ценность данных перевешивает. Подтверждение существования организованной структуры «Хранителей» – прорыв. Мальчик. Опиши».

Арра выпрямилась, переходя на сухой, отчётный тон: «Подросток, шестнадцать-семнадцать лет. Ранее замечен с чешуей горного дракона, добытой, судя по всему, недавно и с применением насилия. Эмоциональная связь с трофеем. В Убежище, вероятно, был принят Хранительницей. Следов формального обучения магии не обнаружено. После падения щита Хранительница обеспечила его побег через потайной ход, который впоследствии был магически запечатан с её стороны. Вероятная роль: носитель, ученик, возможно «наследник»».

«Неправильная оценка, – без промедления парировал Таэль. – Он не ученик. Он курьер. Хранительница не просто прятала артефакты. Она их распределяла. Мальчик – ключ к нахождению других тайников. Он знает места. Или имеет средство их найти. Его побег – не бегство труса. Это часть плана. Ваша новая задача, капитан Арра – немедленно сменить цель. Прекратить поиск статичных точек. Начать охоту на движущуюся цель».

В голосе Верховного Аркана впервые прозвучали нотки чего-то, отдалённо напоминающего азарт. «Разверните все ресурсы. Используйте резонансные искатели нового образца. Они настроены не на мощные всплески, а на следы – на микровибры древней магии, на «эхо ушедшего». Он куда-то пошёл. Под землю, судя по месту его исчезновения. Он ведёт нас, капитан.

Он поведёт нас от одного спящего хранилища к другому. Мы будем следовать за ним, как тень. И когда он закончит свою миссию по «пробуждению»… мы соберём весь урожай. Разом».

Арра почувствовала, как по спине пробежал холодок. План был блестящим, циничным и безжалостным. Использовать врага как проводника. «Слушаюсь, верховный. Мы начнём прочесывать территорию в радиусе тридцати километров от эпицентра. Все геомагические аномалии, все пещерные системы будут нанесены на карту. Он где-то здесь. В этих болотах или в их подземных полостях. Мы найдём его след. Он не может просто испариться».

«Он уже не «просто мальчик», капитан, – напомнил ледяной голос из кристалла. – Он теперь самая ценная фигура на нашей доске. Не упустите его».

Связь прервалась. Синий свет погас, оставив шатер в темноте, нарушаемой лишь светом одной масляной лампы. Арра стояла неподвижно, обдумывая слова. Она не знала, насколько пророчески точными они были. След вёл не по болотам, а под ними. Глубже, чем её сканеры могли заглянуть. И мальчик, которого она считала пешкой, уже превращался в нечто иное. Его шаги отзывались гулом в древних узлах силы, его присутствие будило спавших тысячи лет стражей. Охота началась. Но охотники и не подозревали, что их добыча ведёт их не к кладам, а к пробуждению целого мира, который давно считался мёртвым и похороненным. Мира, который начинал петь свою песню вновь.

Глава 4. Дыхание камня.

Следующие несколько дней слились для Кая в один долгий, изматывающий сон наяву. Туннель, в который он вошел, оказался не просто проходом, а частью гигантского, дышащего организма. Воздух здесь был другим – сухим, с привкусом пыли щекочущей ноздри. Светящихся грибов почти не было. Лишь изредка в расщелинах мерцали тусклые кристаллы, отливавшие холодным, голубоватым светом.

Его проводница, никсия, которую он в мыслях уже называл **Льдинкой** за её прохладную, скользкую кожу и молчаливую невозмутимость, двигалась теперь иначе. Наземный мир явно был для неё чужим. Она не плыла, а скорее *ползла*, отталкиваясь сильными перепончатыми лапами и извиваясь длинным телом, оставляя на камне влажный, быстро высыхающий след. Её чёрные глаза были постоянно прищурены, уши-щели плотно закрыты. Она терпеть не могла эту сухость.

Кай же, наоборот, начал приходить в себя. Тёплая, почти горячая вода в пещере никсий залечила остатки воспаления на боку, а их прощальная песня, которая всё ещё тихо звучала где-то в глубине его сознания, действовала лучше любой бодрящей настойки. Он шёл, и его ноги, привыкшие к горным тропам, находили опору на неровном дне туннеля. Он даже начал замечать детали.

Стены здесь были испещрены не водой, а ветром – миллиардами песчинок, которые за тысячи лет вырезали в камне причудливые желобки, похожие на застывшие молнии или нервную систему гиганта. Воздух иногда приходил в движение – нежный, едва уловимый поток, который шёл из глубины и пах… жаром. Не огнём, а глубинным теплом земли, тем, что чувствуешь, положив ладонь на метал нагретый на солнце.

Льдинка время от времени останавливалась, прижимала голову к полу и замирала, будто прислушиваясь. Кай научился делать то же самое. Сначала он слышал только тишину и собственный пульс. Потом – далёкий, едва слышный гул, будто где-то очень глубоко тихо бьёт исполинский барабан. Земля под его ладонью была едва заметно тёплой.

– Он близко? – мысленно спросил он, не рассчитывая на ответ.

К его удивлению, Льдинка повернула голову и щёлкнула. В её чёрном глазу мелькнуло что-то вроде понимания. Она не могла говорить с ним, как Старейшина, но какая-то связь, тонкая, как паутина, возникла. Он чувствовал её настороженность и… нетерпение.

На третий день (а может, на четвёртый – время здесь текло иначе) туннель начал сужаться и подниматься круто вверх. Воздух стал горячее и плотнее. Дышать было тяжело, как в бане. Пот струился со лба Кая, смешиваясь с пылью. Льдинка начала тяжело сопеть, её переливчатая чешуя потускнела.

И вот, пройдя очередной извилистый поворот, они упёрлись в стену. Вернее, не в стену, а в завал из гигантских, угловатых камней, будто здесь когда-то рухнул свод. Прохода не было.

Кай опустился на корточки, чувствуя приступ отчаяния. Они заблудились? Он вытащил шип Элис. В этом пекле он был прохладным, и его золотистое свечение стало мягче, но он не пульсировал, не показывал дорогу. Он просто был.

Льдинка, однако, не выглядела растерянной. Она подползла к самому большому валуну, у его основания, и начала скрести камень лапой. Не в панике, а методично, с какой-то странной целью. Пыль поднялась столбом.

– Что ты делаешь? – прошептал Кай, подползая ближе.

И тогда он увидел. Под слоем вековой пыли и копоти на камне проступали линии. Не искусная резьба, как у никсий, а что-то более примитивное, грубое, словно выдавленное в ещё мягкой породе огромной, неуклюжей силой. Это был всё тот же символ: круги, расходящиеся

от центра. Но здесь он был искажён, сплющен, как будто на него наступили. И в самом центре – не точка, а глубокая вмятина, похожая на отпечаток пальца.

Сердце Кая забилось чаще. Он поднёс шип к вмятине. Не было гула, не было света. Но камень под его ладонью вдруг… *подвинулся*. Не магически, а физически – с глухим, терпеливым скрежетом гигантский валун откатился на несколько десятков сантиметров, открыв узкую, чёрную как смоль щель. Оттуда пахнуло таким сухим, обжигающим жаром, что Кай отшатнулся назад.

Льдинка отползла, издав тревожный щелчок. Её дело было сделано – она привела его к двери. Идти дальше, в эту обжигающую сушь, она не могла и не хотела.

Кай посмотрел на щель, потом на никсию. Он кивнул ей, стараясь передать благодарность. **– Спасибо. Возвращайся к своим. Скажи им… скажи, что дверь найдена.**

Он не знал, поняла ли она. Но Льдинка медленно кивнула своей изящной головой, развернулась и, словно тень, скользнула обратно в туннель, быстро исчезая в темноте. Он остался один. Перед раскалённым жерлом чужого мира.

Сжав шип так, что его края впились в ладонь, Кай вполз в щель. Камень обжигал даже сквозь одежду. Проход был коротким, но мучительным. Он пролез, ободрав плечи, и вывалился с другой стороны.

Здесь был не туннель.

Это была **пещерная пасть**. Огромная, круглая, как внутренность вулкана. Воздух дрожал от жара, исходящего от раскалённых трещин в полу, из которых лился багровый, адский свет. Свод был высоко-высоко, и сквозь его разломы лился не солнечный, а какой-то другой, янтарный свет, освещая клубящуюся пыль. И посреди этого дьявольского пейзажа, на возвышении из чёрного базальта, лежало ОНО.

Земляной Страж.

Видение, дарованное никсиями, не соврало. Но одно дело – видеть сон, и совсем другое – стоять перед живым чудовищем. Оно было *огромным*. Каждая его лапа размером с телегу. Бока вздымались и опадали с ритмом геологических эпох. Его шкура, покрытая глубокими, как овраги, трещинами, была не просто коричневой. Она переливалась всеми оттенками глины одновременно, словно впитав в себя все цвета пустыни. Те самые тупые рога на голове теперь казались не наростами, а целыми скальными выступами. И запах… Запах был густым, осязаемым. Пахло раскалённым камнем, сухой глиной, древней пылью и невероятной, непоколебимой *тяжестью*.

Кай стоял, заворожённый и парализованный одновременно. Как разбудить *это*? Кричать? Тыкать шипом? Это было всё равно что пытаться разбудить гору, щекоча камни у ее подножия.

Он сделал робкий шаг вперёд. Потом ещё один. Пыль мягко хрустела под его ботинками. Он подошёл так близко, что почувствовал исходящее от Стража тепло – сухое, глубинное, как от печки. Ритмичный, мощный звук, который он слышал раньше, теперь был оглушительным. Это было не сердцебиение. Это было само **дыхание земли**. Вдох – тихий, затяжной гул, втягивающий пыль. Выдох – тёплый, сонный ветерок, пахнущий минералами.

Шип в руке Кая вдруг задрожал. Не пульсацией, а лёгкой, но настойчивой вибрацией, словно стрелка компаса, нашедшая север. Он словно тянул Кая вперёд, к огромной, сложенной лапе Стража.

«Нет, нет, нет» – молился про себя Кай, но ноги несли его сами. Он подошёл к лапе. Один коготь на ней был размером с его руку. Ближе к запястью, там, где толстая шкура образовывала складку, он увидел. Не символ. Не руну. А… **шрам**. Старый, затянутый новой, более тёмной породой, словно сама земля залечила рану. И форма этого шрама была ужасно знакомой – изогнутый, как полумесяц, ожог. След от того же оружия, что убило Скайлара. От имперской рунической ампулы или энергетического копья.

Злость, холодная и острая, впервые за долгие дни пронзила его сквозь покров из страха и усталости. *Они уже были здесь. Они уже ранили его. Или таких, как он.*

Это знание придало ему странной смелости. Он больше не думал. Он поднял шип Элис и, не вкладывая в это никакой магии, просто прикоснулся им к центру старого шрама.

И всё **замерло**.

Дыхание Стража прервалось. Гул стих. Даже багровый свет из трещин, казалось, потускнел. В наступившей тишине Каю почудилось, что сама пещера затаила дыхание.

Потом раздался **скрежет**. Низкий, громовый, звук ломающегося гранита. Гигантская голова Стража, которую Кай считал просто ещё одним каменным выступом, *повернулась*. Веки, тяжёлые, как плиты, медленно поползли вверх.

Открылись глаза.

Это не были глаза дракона, полные пламени и интеллекта. Это не были бездонные озёра никсий. Это были **глаза самой земли**. Радужки цвета расплавленного базальта, зрачки – вертикальные щели, похожие на глубокие разломы. В них не было ни мысли, ни эмоции в человеческом понимании. Там была лишь бесконечная, немыслимо древняя **осознанность**. Он смотрел на Кая, и Кай чувствовал, как этот взгляд пронизывает его насквозь, взвешивает не его тело, а его суть, его боль, его намерения. Видит отпечаток песни никсий на его душе. Чувствует след шипа Элис в его руке. Ощущает шрам на своей лапе и связывает его с болью мальчика.

Молчание длилось вечность. Кай боялся пошевелиться, боялся даже просто дышать.

Затем Страж **вздохнул**. Не вдохнул, а именно ВЗДОХНУЛ— долгий, глубокий, полный такой усталости, что от неё сжалось сердце. Из его ноздрей, похожих на пещерные входы, вырвалось облако горячей пыли.

И в сознании Кая, медленно, как поднимающаяся со дна пучина мысль, возник не голос, а **ощущение**. Тяжёлое, гулкое, каменное.

«Малый… певец… Ты принёс… эхо старой боли… и ключ от старой двери… Зачем?»

Мысль была настолько огромной и медленной, что Каю потребовалось время, чтобы её осознать. Он попытался собрать в кучу свои чувства, как делал с никсиями. Послал образ Элис. Пустого алтаря. Охотников с пылающей десницей. Скайлара. И слова, ставшие его мантрой: *«Хранительница зовёт. Убежище пало. Пора просыпаться».*

Глаза Стража, эти расплавленные щели, сузились. Воздух в пещере снова загудел, но теперь в нём слышалась не сонная нега, а нарастающее, глухое **недовольство**. Камень под ногами Кая мелко задрожал.

«Железные черви… – проскрежетала мысль, и в ней впервые появился оттенок, похожий на ярость. – Снова копошатся… в шрамах мира… Светлую… помню. Тихая была. Давала спать… Хорошо спалось…»

Огромное тело пошевелилось. Посыпались тонны пыли, мелкие камни покатились по склону. Страж начал **подниматься**. Это было подобно тому, как поднимается целый горный хребет. Медленно, неизбежно, с грохотом ломающихся каменных наплывов. Он встал на все четыре лапы, и его голова уперлась в высокий свод пещеры. Он был *колоссальным*. Настоящим божеством глубин.

Он наклонил голову, и его дыхание омыло Кая волной сухого, пахнущего серой жара.

«Проснуться… – пророкотала в голове Кая мысль. – Да. Пора. Сон стал… тревожным. Но я – Камень. Я не иду тропами малых. Я… напоминаю.»

Что это значило? Кай не успел спросить. Страж сделал шаг в сторону стены пещеры – шаг, от которого содрогнулась вся полость. Он приподнял одну из своих гигантских, как опоры моста, лап и… **ткнул когтем в стену**.

Раздался оглушительный **грохот**. Не просто звук удара. Это был звук ломающейся *реальности*. Камень стены не раскололся. Он… **раздвинулся**. Как занавес, как вода перед кораблём. И за ним открылся не новый туннель, а… **вид**. Чёткий, как через гигантское окно. Вид

с высоты птичьего полёта на долину далеко-далеко отсюда. Кай увидел зелёные луга, серебристую ленту реки и на её берегу – дымящие трубы и серые коробки нового имперского форпоста. Он даже разглядел крошечные фигурки людей, похожих на муравьёв.

«Напоминаю… – снова проскрежетало в его голове, и в этот раз в «голосе» Стража звенела сталь. – Железные черви любят ломать… Пусть увидят… что мир может ломаться… под ними.»

Страж глубоко, со свистом втянул воздух. Его бока раздулись, как кузнечные меха. А затем он **выдохнул**. Но не воздух. Из его разверстой пасти, из самой глубины, где горело ядро земли, вырвался **гул**. Не звук, а сама **вибрация**. Невидимая, сокрушительная волна силы, которая пронеслась через каменное «окно» прямо в ту далёкую долину.

Видение в «окне» вздрогнуло. Земля под имперским форпостом… **вздыбилась**. Это было не землетрясение в привычном смысле. Это было как если бы сама почва решила сбросить с себя паразитов. Грунт вспучился волной, снося частоколы, опрокидывая строения. Башня с имперским штандартом наклонилась, медленно, неумолимо, и рухнула, подняв облако пыли. Крошечные фигурки в панике разбегались.

Окно захлопнулось. Стена снова стала просто стеной. В пещере воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжёлым, удовлетворённым дыханием гиганта.

Кай стоял, потрясённый до глубины души. Это была не магия, которую он мог понять. Это была **сила стихии**, призывная и безличная, как ураган или прилив.

Страж снова опустил голову к нему. Его глаза теперь светились тусклым, глубоким заревом, как остывающая лава.

«Иди, малый певец. Неси песню дальше. Я… проснулся. И мир это почувствует. Когда камни начнут помнить… железо сломается.»

Он повернулся, укладывая своё гигантское тело обратно, с грохотом, от которого закладывало уши. Но теперь это уже не была поза вечного сна. Это была поза отдыхающего, но бодрствующего стража. Его глаза, эти вертикальные щели, оставались приоткрытыми, и в них теплился тот самый угрюмый, багровый свет.

Его миссия здесь была выполнена. Более чем. Он не просто разбудил Стража. Он стал свидетелем его гнева.

С шипом, который теперь отливал глубоким красным, как нагретый металл, и с новой, оглушительной тишиной в ушах, Кай побрёл обратно к щели. Его ждала Льдинка и бесконечные туннели. Но теперь он знал: с каждым его шагом, с каждым разбуженным «последним», мир наверху всё сильнее содрогался от **эха**, которое он, сам того не желая, запустил в самом его сердце.

Глава 5. Эхо подземного грохота.

Обратный путь показался Каю другим. Всё тот же горячий, пыльный воздух, но в нём теперь висело что-то тяжёлое. Как перед бурей. Шип в его руке был тёплым и пульсировал, переливаясь то золотым, то тёмно-красным светом – будто впитал память о двух древних силах, которые он потревожил.

Льдинка ждала его у каменного завала, свернувшись в тени. Её чёрные глаза блестели в полутьме. – Он проснулся, – просто сказал Кай вслух, хотя знал, что никсия не поймёт слов. Но она вздрогнула. Будто почувствовала тот каменный гнев, что ещё висел вокруг Кая, как запах дыма после пожара.

Они пошли назад. Кай шагал уже увереннее – ноги сами помнили дорогу. А голова была занята одним: что же он только что наделал? Земляной Страж был не просто хранителем. Он был оружием. Древним, слепым и страшным. Кай выпустил его, как джинна из бутылки. И этот джинн ненавидел Империю лютой ненавистью самой земли. Да, он видел, как рухнула имперская застава в том далёком видении. И в груди на миг вспыхнуло липкое, тёмное удовлетворение – вот вам, убийцы Скайлара! Но сразу за ним пришёл холодный ужас. А если эта сила выйдет из-под контроля? Если она пойдёт не только на солдат, а на всех подряд? Вдруг пострадают ни в чем не повинные жители?

Льдинка, кажется, чувствовала его смятение. Иногда она замедлялась и слегка тыкалась прохладной мордой в его руку – жест утешения от существа, которое само живёт в мире, далёком от человеческих терзаний.

Когда они снова вышли к огромному подземному озеру, Кая встретила непривычная тишина. Светящиеся мхи горели всё так же ярко, но привычного гула – той фоновой симфонии, что всегда наполняла пещеру не было. Вообще. На камнях лежали десятки никсий. Но они не дремали и не перешептывались. Они замерли, уставившись на свод пещеры. Даже молодёжь не резвилась – все притихли, будто затаив дыхание. Старейшина была на своём месте у огромного светящегося сталагмита. Она казалась ещё старше. Когда Кай подошёл, она медленно повернула к нему голову. Их взгляды встретились.

Ему не пришли видения. Он просто *почувствовал*. Волну тревоги, что прошла сквозь камень и воду. Далёкий, глухой удар, от которого содрогнулись самые глубины. Отголосок гнева Стража. Для никсий, чьи тела и песни были частью самого подземного мира, это было как внезапная, острая боль. Их тихое убежище больше не было спокойным. Его потревожили.

В голову Кая, тихо, но чётко, легла мысль Старейшины, тяжёлая, как камень: *«Ты разбудил не только его. Ты разбудил… внимание. Воды шепчут. Камни стонут. Те, кто охотится за эхом, теперь услышат и этот грохот.»*

Кай сглотнул. Он понял. Его побег, его миссия – всё это Империя могла ещё не заметить. Но удар Земляного Стража, это землетрясение в далёкой долине… Это было слишком громко. Слишком заметно. Как костёр, зажжённый в тёмной ночи.

«Твой путь теперь будет опаснее, малый певец – продолжала мысль Старейшина. Охотники не глухи. Они учуют силу. Они пойдут по этому эху, как по следу крови.»

– Что мне делать? – прошептал Кай, чувствуя, как прежняя решимость тает, сменяясь знакомым, липким страхом.

Старейшина долго смотрела на него своими бездонными глазами. *«Идти быстрее. И не в одиночку. Сеть… должна ответить. Один узел дрогнул – дрогнут и другие. Мы дадим тебе проводника. Иного.»*

Она издала низкий, вибрирующий звук. Из тени за сталагмитом выплыла другая никсия. Она была меньше Льдинки, её чешуя отливала не спокойным лазуритом, а нервным, меняющимся серебром, как поверхность воды под ветром. Её глаза казались более выразительными,

а на узкой морде было что-то похожее на любопытство. *«Это – Зеркальце – мысленно представила Старейшина. – Она… чувствует потоки. Не только воды. Воздуха. Энергии. Она проведёт тебя путями, которые не видны глазу. Быстрее. Тише.»*

Зеркальце подплыла ближе и внимательно, без страха, разглядывала Кая. Потом легонько щёлкнула.

«Льдинка вернётся к нам – добавила Старейшина. – Её путь с тобой окончен. Она привела тебя к двери. Зеркальце поведёт дальше.»

Кай кивнул Льдинке, пытаясь передать взглядом благодарность. Та медленно мигнула и скользнула в тёплую воду, растворяясь в толпе сородичей.

«Возьми – мысль Старейшины коснулась его шипа. – Наш дар к дару Светлой.»

Одна из взрослых никсий принесла и положила перед Каем на камень небольшой, идеально круглый камешек. Он был цвета тёмного аквамарина и светился изнутри мягким, ровным светом, как крошечная планета. *«Камень Глубин. Он хранит тишину наших вод. Поможет скрыть твой след от чужих взоров… на время. И… напомнит о месте, где тебя приняли.»*

Кай бережно поднял камень. Он был неожиданно тёплым и убаюкивающе пульсировал в такт с шипом. Он положил его в карман, и странное спокойствие разлилось по телу.

«Теперь иди. Зеркальце знает выход ближе к поверхности. Туда, где начинается Ветвистый Лес. Следующий, кого нужно найти… не спит в камне. Он прячется в забытых снах деревьев.»

Кай сделал последний глубокий вдох воздуха этой тёплой, певучей пещеры. Он кивнул Старейшине и всему этому молчаливому, смотрящему на него народу. Зеркальце сразу же развернулась и направилась к дальнему, узкому проходу, который Кай раньше не замечал. Он махнул рукой на прощание и пошёл за своей новой проводницей.

А в это время на поверхности, в том самом имперском форпосте в Зелёной Долине, царил хаос.

Капитан Арра стояла на краю огромного провала, который ещё час назад был ровной площадью. Её лицо было покрыто тонким слоем пыли, но глаза горели холодным, ясным огнём. Вокруг сновали солдаты, вытаскивая раненых из-под обломков бревенчатых стен. Среди привычного хаоса после землетрясения было нечто… необъяснимое.

– Отчёт, – бросила она младшему офицеру, который подбежал, хромая.

– Половина построек разрушена или серьёзно повреждены, капитан. Шесть погибших, двадцать раненых. Но… – Офицер запнулся.

– Но что?

– Это было не просто землетрясение, капитан. Сейсморезонаторы зафиксировали волну… неестественного происхождения. Импульс шёл не из глубин, а… будто был сфокусирован. Точечно. Прямо под нами.

Арра медленно обвела взглядом разрушения. Стена обрушилась наружу. Частокол вбило в землю под странным углом. Это выглядело так, будто почва сама взбунтовалась именно здесь, в самом центре форпоста. Её взгляд упал на обломки сигнальной башни. Среди щепок лежал искореженный, но ещё работающий резонансный сканер – один из тех, что был настроен на поиск следов древней магии. Его экран тускло светился. И на нём чётко висела яркая, алая точка, уходящая вглубь земли. Не рассеянный фон, а чёткий, мощный след. След недавно пробуждённой, колоссальной силы. Тот самый след, что обещал Верховный Аркан.

Уголок её рта дрогнул в подобии улыбки. Не радостной. Жестокой. – Отставить расчистку завалов, – скомандовала она громко, чётко. – Все оперативные группы – ко мне. Немедленно вызвать с базы геомагический буровой комплекс «Крот». Мы получили не просто эхо, господа. Мы получили *координаты*. Кто-то внизу только что громко чихнул. Теперь мы знаем, в какую нору лезть.

Она посмотрела на тёмную щель в земле, зиявшую посреди площади. Охотница почуяла зверя. И этот зверь, сам того не зная, только что проложил для неё прямой путь.

Туннель, который выбрала Зеркальце, оказался совсем не похож на прежние. Он не был выточен водой или ветром. Стены здесь были гладкими, словно отполированными, и шли под едва заметным уклоном вверх. Воздух стал прохладнее, в нём появился запах – не сырости и камня, а прели, старой древесины и чего-то сладковатого, как забродившие ягоды. Идти стало легче, но Кай чувствовал нарастающую тревогу. Не свою – Зеркальца. Серебристая никсия двигалась теперь порывисто, часто останавливалась, прижимала голову к стенам или полу, её жабры трепетали, улавливая что-то невидимое.

– Что-то не так? – спросил Кай, хотя и не ждал ответа.

Зеркальце обернулась и щёлкнула – быстро, тревожно. Она подплыла к стене и ткнула мордой в едва заметную трещину. Кай присмотрелся. Из трещины сочился не свет и не вода. Оттуда тянуло… пустотой. Холодным, безжизненным дуновением, которое казалось чужим в этом дышащем камнями мире. И тогда он услышал. Сначала как лёгкий звон в ушах. Потом – отчётливый, механический гул, доносящийся сквозь толщу породы. Гул работающих машин. Имперских машин. Они были где-то рядом. Ближе, чем ему хотелось бы.

Шип в его руке резко похолодел. Камень Глубин в кармане замер, его пульсация стала нервной, прерывистой.

– Они уже здесь – прошептал Кай. – Они копают.

Зеркальце подтвердила это серией отрывистых щелчков. Она явно торопилась, подгоняя его. Туннель стал сужаться, превращаясь в щель, по которой Кай мог пролезть только боком. Зеркальце протиснулась первой, её гибкое тело легко скользнуло вперёд. Кай, сжимая в одной руке шип, а другой отталкиваясь от скользких стен, пополз за ней. Механический гул нарастал, теперь к нему добавились приглушённые голоса, лязг металла. Имперцы не просто были рядом – они прокладывали свой туннелль, и два пути вот-вот могли пересечься.

Щель внезапно закончилась, вывалив их в небольшой, круглой формы грот. Посередине грота из пола бил слабый источник, наполняя мелкое озерцо водой, которая странно мерцала в свете, падавшем сверху. Кай поднял голову. Прямо над ними, в высоком своде, зияла расщелина, затянутая корнями и паутиной. Сквозь неё пробивался дневной свет – тусклый, зелёный, лесной. Это был выход.

Но прежде чем он успел обрадоваться, сбоку, из стены, посыпалась мелкая крошка. Камень задышал, затрещал. И прямо на их глазах часть стены осыпалась, открыв чёрный провал. Из провала хлынул яркий, искусственный свет факелов, смешанный с холодным сиянием кристаллов-светильников. И голоса стали громкими, чёткими.

– …пробили слой сланца. Полость впереди. Готовьтесь к возможному контакту.

Зеркальце метнулась к источнику и скрылась под водой, растворившись в его мерцающей глубине. Кай остался один, прижавшись к тенистой стене у самого выхода наверх. У него не было времени лезть по корням – его бы заметили. Он замер, затаив дыхание, судорожно сжимая Камень Глубин в кармане. «Спрячь, спрячь меня», – молился он про себя.

Из нового прохода вышли люди. Не просто солдаты в доспехах, а инженеры в промасленных комбинезонах, с приборами на поясах. За ними шли бойцы с короткими арбалетами, нацеленными вперёд. И в самом конце, спокойная и невозмутимая, появилась капитан Арра. Она осмотрела грот профессиональным взглядом, её глаза скользнули по озерцу, по корням на потолке, и… почти задержались на тени, где стоял Кай.

Сердце Кая упало. Но капитан отвела взгляд. Она смотрела прямо на него, но не видела. Камень Глубин в его кармане горел теперь ледяным огнём, и Каю казалось, что он сам становится частью тени, камнем, пустотой.

– Эхо здесь сильнее – сказал один из инженеров, тыкая щупом в воду. – Но… рассеянное. След уходит вверх. – Он показал на расщелину в потолке.

Арра подошла к озерцу, задумчиво наблюдая, как мерцает вода. – Они ушли на поверхность. В лес. – Она повернулась к солдатам. – Отряд преследования, на выход! Остальные – продолжаете бурение по основной координате. Нам нужен тот источник, что вызвал толчок. Разделяем задачи.

Она была так близко, что Кай различал потёртости на её плаще, запах металла и пота. Ещё миг – и она наверняка заметила бы его обутую ногу, высовывающуюся из тени. Но в этот момент с потолка прямо перед ней упала толстая, покрытая мхом ветка. Арра инстинктивно отшатнулась, а когда снова взглянула на то место, её внимание уже было приковано к корням и щели, ведущей в лес.

– Двойной шаг! – крикнула она, и солдаты бросились карабкаться наверх, помогая друг другу.

Кай не мог поверить в свою удачу. Когда последний солдат исчез в зелёном свете расщелины, а звуки буровой снова заглушили всё остальное, он буквально рухнул на колени, дрожа от перенапряжения. Из воды беззвучно вынырнула Зеркальце. Она подплыла и ткнула его в руку, требуя двигаться. Путь наверх был свободен. Имперцы ушли в лес, но они были всего в нескольких минутах хода.

Собрав последние силы, Кай ухватился за корни. Они были мокрыми и скользкими, но прочными. Он полез, отталкиваясь ногами от стен. Зеркальце не могла следовать за ним в мир воздуха и деревьев. Она осталась внизу, в озерце, наблюдая за ним своими чёрными глазами. Кай посмотрел на неё в последний раз, кивнул, и выбрался наверх.

Его встретил не свет, а сумрак. Густой, зелёный, живой сумрак Ветвистого Леса. Воздух, пахнущий гниющими листьями, смолой и цветами, ударил в лёгкие после подземной спёртости. Он лежал на ковре из мха, между гигантских корней дерева, чей ствол был шире дома. Вокруг стоял гул – но не машинный. Это был гул жизни: стрекот насекомых, щебет птиц, шелест листьев. Но где-то совсем рядом, уже теряясь в чащобе, слышались чёткие команды и треск веток – имперский отряд начал прочёсывать все в округе.

Кай отполз глубже под корни, в настоящую пасть из переплетённых древесных жил. Он вытащил Камень Глубин. Его пульсация успокоилась, но свет стал ещё тусклее – будто сила камня была на исходе после того, что он сделал внизу. Шип Элис, напротив, казался ожившим. Он был тёплым, и его золотисто-багровые переливы вдруг стали указывать направление вглубь леса. В самую чащу.

«Следующий… прячется в забытых снах деревьев», – вспомнил Кай слова Старейшины.

Что это могло значить? Он прислушался к лесу. К обычным звукам. И тогда он услышал другое. Очень тихое. Почти на грани воображения. Что-то вроде… звона. Тонкого, высокого, как вибрация стекла. Он шёл не с одного направления, а со всех сторон сразу. Будто каждое дерево, каждый лист был настроен на одну невыразимо печальную ноту.

Кай встал, отряхнулся. Страх никуда не делся, но его сменила новая, странная решимость. Он не просто бежал. Он шёл по пути, который ему указали. Имперцы шли за ним по следу, но у него был ключ. И кажется, лес начинал ему подсказывать дорогу.

Он сунул камень и шип за пазуху, чтобы свет не выдавал его, и двинулся на тот едва уловимый звон, уходя от шума погони в самую непролазную, старую часть леса. Деревья здесь смыкались кронами так плотно, что на земле царил вечный зелёный полумрак. Воздух висел неподвижно и был густым, как сироп.

Он шёл несколько часов, пока ноги не стали подкашиваться от усталости. Звон становился чуть громче, но источник его по-прежнему был неуловим. Кай уже готов был рухнуть под каким-нибудь папоротником, когда увидел просеку. Не естественную. А будто кто-то огромный прошёл здесь, ломая вековые стволы, как тростник. Деревья были выворочены с корнем, земля исполосована глубокими бороздами. И в центре этого разрушения, на голой земле, лежало… оно.

Сначала Кай подумал, что это ещё один валун, покрытый мхом. Но форма была слишком правильной. Слишком… знакомой. Огромное, приземистое тело, короткие мощные лапы, голова, увенчанная не рогами, а сломанными, кривыми наростами. Это был Земляной Страж. Или… то, что от него осталось.

Кай подошёл ближе, преодолевая страх. Существо было мертво. Его глиняная шкура, потрескавшаяся и серая, была покрыта не естественными разломами, а глубокими, аккуратными разрезами – следами магических клинков или пил. В боку зияла огромная рваная рана, из которой сочилась не кровь, а что-то похожее на жидкий камень и потухший свет. Вокруг валялись обломки рогов, груды странной, стекловидной пыли. Место смерти пахло озоном, гарью и сожжённой землёй.

«Они убили его» – прошезпел Кай, и его охватила леденящая ярость. Не та горячая ярость мести, а холодная, бездонная. Они не просто охотились за артефактами. Они охотились за самими стражами. И находили их. Здесь, в лесу, должен был быть другой. Тот, кого Кай искал. Но его уже не было. Только это мёртвое тело, остывающий монумент провала.

И тогда он увидел следы. Не зверя. Человеческие следы. Много. И свежие. Они вели от трупа стража вглубь леса, в ту сторону, откуда доносился тот самый печальный звон. Имперцы не просто прочёсывали лес в поисках Кая. Они уже что-то нашли. И убили.

Кай бросился бежать по следам, не думая об опасности. Гнев и отчаяние придали ему сил. Он бежал, спотыкаясь о корни, хватая ртом густой воздух. Через сотню шагов лес снова изменился. Деревья стали выше, темнее, а между их стволами висела странная, серебристая дымка, как туман, но неподвижный. Звон здесь был слышен отчётливо – это был не просто звук. Это был зов. Призыв, полный боли и предупреждения.

И он нашел источник. На небольшой поляне стояло дерево, непохожее на другие. Его кора была гладкой и тёмно-фиолетовой, почти чёрной. Ветви не тянулись к свету, а свисали вниз, как плакучая ива, но кончики их светились мягким, серебристым светом. И с каждой ветви свисали не листья, а тонкие, кристаллические нити. Они-то и звенели на едва ощутимом ветру, создавая ту самую печальную музыку.

У подножия этого дерева лежало второе существо. Оно было меньше земного стража, изящнее, и походило на смесь оленя и самого дерева. Его тело было покрыто не шерстью, а гладкой, древесной корой, усеянной живыми, светящимися узорами. Длинные, ветвистые рога сплетались в сложный узор. Теперь они были сломаны. Из раны на шее сочилася не кровь, а золотистый, густой сок, пахнущий мёдом и полынью. Это существо ещё дышало. Медленно, прерывисто. Его глаза, похожие на янтарные капли, были открыты и смотрели в небо сквозь кроны.

И вокруг него, как вороны на поле боя, стояли имперцы. Не солдаты, а люди в серых мантиях с символами Коллегии Арканистов на груди. Они не стреляли, не рубили. Они собирали. Один срезал острым инструментом куски светящейся коры и складывал в свинцовый контейнер. Другой аккуратно собирал капли золотого сока в стеклянные ампулы. Третий измерял пульсацию света на сломанных рогах сложным прибором.

Это была не охота. Это была хирургическая операция. Вскрытие ещё живого чуда.

Кая будто ударило током. Он замер за стволом, не в силах пошевелиться. Его миссия, его пробуждение… оно привело сюда этих палачей. Он опоздал. Он привёл смерть прямо к тем, кого должен был спасти.

Один из арканистов, пожилой мужчина с острым лицом, поднял голову и что-то сказал капитану Арре, которая наблюдала за всем с холодным интересом. – Эхо этого существа совпадает со следом мальчика, капитан. Он был здесь. Недавно. Возможно, даже видел начало операции.

Арра кивнула. – Значит, он где-то рядом. И теперь он видел, на что мы способны. Это хорошо. Испуганная дичь совершает ошибки.

В этот момент умирающее лесное существо пошевелилось. Его янтарный взгляд, блуждающий и невидящий, вдруг нашёл силу и на мгновение пронзил чащу. Он уставился прямо на то место, где прятался Кай. Не с обвинением. С… передачей. С последним усилием.

Кай почувствовал, как шип Элис у него за пазухой вспыхнул ослепительным, тёплым светом. И в его сознание, тихо, как падающий лист, легла не мысль, а образ. Образ корней. Не этого дерева, а всех деревьев леса. Они сплетались в единую, гигантскую сеть под землёй. И в центре этой сети, глубоко-глубоко, спало что-то огромное и древнее. Не тело, а сознание. Дух самого леса. И оно начинало просыпаться от боли своего умирающего стража.

Образ сменился другим. Картой. Яркой, как вспышка. Он увидел путь – не по земле, а *под* ней, по этим самым корням. Путь к сердцу спящего духа. И последний, срочный посыл: «Беги. Не по верхним тропам. Они следят. Иди низом. Корни проводят. Разбуди Сердце. Иначе лес умрёт. И мы все умрём с ним.»

Свет в глазах существа погас. Голова безвольно упала на мох. Звон с ветвей дерева стал громче, пронзительнее, полным непереносимой скорби.

Арканист посмотрел на свои приборы. – Связь прервалась. Существо умерло. Но фиксация эфирного эха беспрецедентна. Мы получили уникальные данные. И… капитан, приборы фиксируют новый всплеск. Глубоко. Очень мощный. Похоже, смерть стража послужила… триггером.

Капитан Арра улыбнулась. По-настоящему улыбнулась, и это было страшнее любой её холодности. – Идеально. Мальчик ведёт нас от одной цели к другой, всё более ценной. Продолжайте сканирование. Мы найдём этот новый источник. И возьмём его, прежде чем наш юный проводник что-то с ним сделает.

Кай отполз от дерева, сердце колотилось так, что, казалось, его услышат. У него не было времени на горечь или панику. Существо отдало ему последний шанс. Путь низом. По корням.

Он отыскал поблизости массивный, полуобнажённый корень старого дуба, уходящий в землю. Рядом была нора, вырытая каким-то зверем. Кай, не раздумывая, вполз в неё. Земля была рыхлой, пахла сыростью и гнилью. Он пополз, расталкивая землю локтями, углубляясь под лесную подстилку. Вскоре его руки нащупали не просто землю, а переплетение упругих, живых корней. Они были тёплыми и пульсировали, как вены. Света не было совсем, но Кай зажмурился и доверился тому образу, что подарило ему умирающее существо. Он мысленно искал путь к центру сети, к спящему Сердцу.

И корни откликнулись. Словно сам лес, чувствуя в нём шип Хранительницы и отчаянную нужду, начал его направлять. Одни корни расступались, другие – мягко подталкивали его в нужную сторону. Он полз в абсолютной, давящей темноте, но уже не вслепую. Он чувствовал течение жизни, тянущее его вглубь, к источнику той древней силы, что породила и земных стражей, и лесных духов.

А наверху, на поляне смерти, капитан Арра отдавала приказы. Её люди уже настраивали буровые на новую, куда более мощную сигнатуру. Они не знали, что их добыча ускользнула не в чащу, а под их ноги. И что, разбудив одного гиганта, они сами развязали цепную реакцию, остановить которую будет уже не в их власти.

Кай полз, сжимая в потной руке шип, который светился в подземной тьме ровным, зовущим светом. Теперь он бежал не только от погони. Он бежал навстречу пробуждению, которое могло стать либо спасением, либо концом для всего, что он пытался защитить. И времени на раздумья не оставалось ни у кого.

Глава 6. Сердце, спящее в корнях.

Ползти в кромешной тьме, ощущая лишь скользкую глину под пальцами и пульсацию корней вокруг, – это было похоже на возвращение в утробу мира. Темнота была настолько густой, что Каю начинало мерещиться, будто он ослеп. Дышать было тяжело – воздух здесь был спёртым, пах землёй, грибной плесенью и чем-то ещё… сладковатым и древним, как аромат векового мёда, запечатанного в дупле.

Он потерял счёт времени. Может, прошёл час, а может, полдня. Его одежда превратилась в комок грязи, рана на боку ныла от напряжения, но он не останавливался. Образ, посланный умирающим лесным стражем, горел в его сознании чёткой картой: сеть корней, сходящаяся к одной точке. И шип Элис в его руке был не просто светочем – он был компасом. Чем ближе к цели, тем жарче и ярче он горел, отливая теперь глубоким изумрудным светом, цветом самой жизни.

Корни вокруг становились всё толще. Теперь это были не просто отростки – это были настоящие подземные реки из живой древесины, некоторые толщиной с его тело. Они переплетались в причудливые своды, образовывая естественные туннели. Пол здесь был усыпан мягким, тёплым мхом, который светился тусклым зелёным сиянием, освещая путь. Воздух постепенно очистился, наполнившись тем самым медовым запахом, смешанным с запахом влажной древесины и цветущих трав, которых здесь, под землёй, быть не могло.

И наконец, туннель вывел его в пространство, от которого у Кая перехватило дыхание.

Он оказался в гигантской подземной полости, но это была не пещера в обычном ее понимании. Своды над головой сплетались из самых древних и могучих корней, образующих готические арки. Стены были живыми – они состояли из спрессованных слоёв коры, мха, лишайников и мерцающих грибов всех оттенков зелёного, синего и серебристого. В центре этого невероятного зала из земли бил источник чистой, хрустальной воды, образуя небольшое озеро, поверхность которого искрилась внутренним светом. А вокруг озера цвели цветы – призрачно-белые, с лепестками, похожими на шёлк, испещрёнными светящимися прожилками.

Но самое невероятное находилось в самом центре озера, на небольшом островке из причудливых, гладких камней. Это было Дерево. Но такое Дерево, рядом с которым все великаны Ветвистого Леса казались пылинками. Его ствол, тёмный и испещрённый узорами, похожими на письмена, уходил ввысь, теряясь в тенях корневого свода. От него во все стороны расходились не ветви, а… сияющие потоки. Не света, а самой жизненной силы. Они были видны лишь на грани восприятия – как дрожь воздуха над раскалённым камнем, как мерцание миража. Эти потоки уходили в стены, в корни, растворяясь в бесконечной сети, питая весь лес сверху. А может, и не только лес.

Дерево спало. Это чувствовалось сразу. Его могучий покой висел в воздухе, густой и глубокий, как сон титана. Но это не был сон смерти, как у земного стража в лесу. Это было ожидание. Огромное, терпеливое, полное тихой скорби о чём-то утраченном.

«Сердце Леса» – понял Кай, и благоговейный трепет сковал его ноги. Он стоял на краю живого, дышащего святилища, и чувствовал себя пылинкой. Ничтожной и наглой.

Шип Элис в его руке вспыхнул так ярко, что на миг осветил весь зал. Свет был не ослепляющим, а тёплым, золотисто-зелёным. И Дерево… отозвалось.

Тихий, протяжный стон пронёсся под сводами. Не звук, а вибрация, исходящая от самого ствола. Светящиеся потоки энергии вспыхнули ярче. Лепестки цветов вокруг озера задрожали. И Каю показалось, что гигантское дерево медленно, с невероятным усилием, начинает поворачивать невидимый взор на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.